

УДК 54(091)+930.1:001

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Н. А. ФИГУРОВСКОГО**С.С. Илизаров***(Институт истории естествознания и техники РАН)*

Среди ученых старшего поколения, с именем которых связано становление и формирование в нашей стране истории науки как самостоятельной области знания, как особого рода исследовательской профессии, Николаю Александровичу Фигуровскому принадлежит особое место. Это относится не только к его личному историко-научному наследию, его плодотворной деятельности в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ), которым он фактически руководил с конца 40-х до начала 60-х годов, т.е. в самый сложный и напряженный период.

Даже среди историков Н.А. Фигуровский выделялся на редкость серьезным и бережным отношением к своему архиву. Он старался сохранить следы времени, память о мельчайших событиях своей собственной жизни.

В ноябре 1917 г. в период крушения всех привычных устоев Н.А. Фигуровский начинает вести дневник. К этому времени он имел за плечами церковно-приходскую школу, духовное училище в Солигаличе и около двух лет Костромской духовной семинарии. В 20–30-е годы жизнь его была на редкость бурной и динамичной.

Совершенно невероятно, но несмотря ни на что, ему удалось сохранить свои записи, хотя обстоятельства жизни этому не благоприятствовали. До окончательного переезда в 1935 г. в Москву он вел почти «кочевой» образ жизни и при этом сохранил не только свои дневниковые записи, но и черновики первых литературных опытов, служебные удостоверения, письма, пригласительные билеты, рукописи первых научных сочинений и другие свидетельства собственной жизни.

В 1925 г. в Нижнем Новгороде началась писательская жизнь Н.А. Фигуровского: в газете «Нижегородская коммуна» он публиковал небольшие рецензии, заметки, рассказы из военной жизни. В то время Н.А. Фигуровский задумал написать популярную книжку об удобрениях и агрохимии и даже роман «Вдоль службы», фрагменты которого сохранились в его личном архиве.

Мне посчастливилось не только встречаться с Н.А. Фигуровским в ИИЕТ, но и бывать у него дома. Очень быстро, чуть ли не с первой попытки, удалось склонить его к мысли о необходимости передать свой личный архив в Научный архив Института. Сейчас я думаю, что Николай Александрович просто умело подвел беседу к обсуждению этого вопроса, поскольку его волновала судьба архива.

С 1984 г. Н.А. Фигуровский начал в несколько приемов передавать свой архив, оставляя для себя лишь некоторые нужные ему бумаги. Потом, уже после кончины, его дочь Елена Николаевна передала в Институт оставшиеся документы и в том числе рукопись воспоминаний своего отца. С этого времени жизнь и судьба Н.А. Фигуровского стали частью моей жизни.

В начале 1994 г. мне удалось опубликовать фрагмент воспоминаний Н.А. Фигуровского, описывающий период становления его как историка науки и руководителя ИИЕТ АН СССР, когда в 1947 г. он стал заместителем у члена-корреспондента АН СССР Х.С. Коштоянца, тогдашнего директора Института [1]. При подготовке к печати мемуаров Н.А. Фигуровского (он сам их называл «Автобиографические записки и воспоминания») я попытался разобраться в истории их написания. Удалось установить, что к мемуарам он приступил в октябре 1955 г., накануне своего 54-летия. Впрочем, я думаю, что он шел к этому практически всю жизнь, неустанно накапливая материалы.

21 октября у себя дома на Беговой улице Н.А. Фигуровский, приступая к мемуарам и пытаясь осмыслить мотивы своих действий, писал: «Я предпринимаю изложение своих воспоминаний, движимый теми же самыми непреодолимыми потребностями, которые вызвали появление большинства подобных литературных произведений. Может быть, из того, что будет в дальнейшем изложено, кое-что представляет интерес для близких мне людей. Возможно, что некоторую пользу из этих воспоминаний извлекут и историки разных направлений, скажем – историки науки» [2].

Сейчас, зная, сколько еще лет прожил и сколько всего пережил Н.А. Фигуровский, интересно читать его размышления о возрасте. В свои неполные 54 года он писал:

«Желание писать мемуары – несомненный признак наступающей старости. В наше время для многих научных работников понятие старости отличается от общепринятого представления об этом возрасте человека. Старость – это близость конца жизни. А конец жизни у москвичей, занятых умственным трудом, перегруженных множеством больших и мелких обязанностей, мало двигающихся, нелепо и некультурно питающихся, дышащих воздухом с примесями разных видов ядовитой пыли, с большим содержанием окислов углерода и других вредных газов, выделяемых тысячами автомашин и вылетающих из сотен заводских труб, в особенности из труб таких заводов, как Дорогомиловский химический завод, – конец жизни в таких условиях может оказаться неожиданно близким. Расстройства кровообращения, склероз, инфаркты и инсульты, рак и прочие «приятные» заболевания – довольно обычны у ученых я бы сказал среднего возраста. Вот почему и 50 лет для людей таких категорий – часто уже почтенная старость и даже – предел жизни...».

Сам Н.А. Фигуровский в 1955 г. полон сил и энергии. «Я и не думаю умирать, наоборот, – думаю еще пожить, – писал он, – и не хочу в срочном порядке осуществить свое намерение – написать воспоминания и заметки о прошлом и пережитом». Однако ощущение скоротечности времени толкало его к мысли – откладывать нельзя, можно и вовсе не успеть. На воспоминания он предполагал отводить «часы лени» – те моменты жизни «когда не хочется заниматься даже самыми срочными текущими делами». Как и почти все мемуаристы, Н.А. Фигуровский писал воспоминания «исключительно для себя», предполагая, что при его жизни они никем читаться не будут.

Насколько мне известно, при жизни Н.А. Фигуровского его воспоминания не читались, хотя многие о них знали. К сожалению, не сохранилась важнейшая для истории нашего Института заключительная часть его воспоминаний. Она, безусловно, была, поскольку рукопись в ее сохранившейся части обрывается на незаконченной фразе. Фигуровский сам говорил, что изложение он довел до 60-х гг. Кроме того, на титуле последней IV части рукописи обозначен хронологический период: 1947–1970 (!). Может быть, Николай Александрович сам уничтожил последнюю часть. Но, зная характер Фигуровского, я думаю, что это не так.

Н.А. Фигуровский, как и обещал в 1955 г., впоследствии постоянно возвращался к написанию воспоминаний и делал это практически до последних дней жизни. Даже предисловие, начатое 21 октября 1955 г., подвергалось редактированию и дополнениям 27 июня 1959 г. и 31 октября 1971 г. Не желая отступать от первоначального варианта, в 1971 г. он в своем последнем доме, в квартире на улице Дмитрия Ульянова, написал выразительное дополнение к предисловию: «Через 3 недели мне стукнет 70. Когда я писал основное предисловие и первые страницы воспоминаний, я был, по сути дела, еще очень молод, вернее – я был в силе, т.е. был способен к напряженной

и бурной деятельности и полнокровной жизни. Прошло уже 17 лет с тех пор как я сел за «Воспоминания» и, я бы сказал, 17 лет отнюдь не бесплодных и для науки и для моего интеллекта. Не знаю, успею ли я описать эти 17 лет. До них еще далеко.<...> Мои ошибочные взгляды, высказанные в основном предисловии относительно наступления старости, пожалуй, вселяют в меня сейчас некоторые надежды, что я сумею продвинуться и в этих «Воспоминаниях» несколько дальше».

Будущий биограф Н.А. Фигуровского имеет совершенно уникальную возможность работы с источниками. Кроме текста воспоминаний, дневниковых записей и других документов, хранящихся в фонде Фигуровского в Научном архиве ИИЕТ, существуют материалы, характеризующие его деятельность во многих государственных архивах и личных фондах (МГУ, Министерство образования, Архив РАН, Нижегородский областной архив, Архив Министерства обороны и др.)

В бывших архивах ЦК КПСС, главным образом в фонде Отдела науки, нередко встречаются документы, связанные с разносторонней деятельностью Н.А. Фигуровского. Я хотел бы остановиться лишь на одном эпизоде – событиях февраля 1949 г., когда волею судеб пересеклись жизненные пути Н.А. Фигуровского и Б.М. Кедрова*. Оба – выдающиеся историки науки, оба были директорами нашего Института, наконец, оба являются классиками отечественной историографии науки. К 1949 г. Н.А. Фигуровский – член и заместитель председателя Комиссии по истории химии ОХН АН СССР, член химической секции Комитета по Сталинским премиям, член экспертной комиссии ВАК, заведующий кафедрой истории химии химического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, зам. директора (фактически руководитель) Института истории естествознания АН СССР... Это человек, неуклонно двигавшийся к вершинам успеха как в карьере, так и в творчестве.

В это же время Б.М. Кедров завершал свой первый период успеха и вступал в полосу острого кризиса. Первые месяцы 1949 г. были для Б.М. Кедрова, наверное, самым драматичным периодом в его непростой биографии. Будучи член-корреспондентом АПН, заместителем директора Института философии АН СССР, создателем и главным редактором журнала «Вопросы философии», Б.М. Кедров попал под мощнейший идеологический обстрел и обвинялся по всем тягчайшим «статьям» – в космополитизме, низкопоклонстве, защите вейсманистов-морганистов и т.д. Эти сюжеты в последние годы неоднократно описывались в работах историков науки В.Д. Есакова, Ю.И. Кривоносова, А.С. Сонины и др. Здесь отмечу только, что именно в эти дни, в феврале 1949 г., ЦК ВКП(б) принималось решение об отстранении Б.М. Кедрова от руководства журналом «Вопросы философии», о снятии его с должности зам. директора Института философии.

И вот в решающей стадии этого личного кризиса Б.М. Кедров в поисках спасения и выхода, в стремлении творчеством смягчить напряжение сделал очень важный шаг. Еще в январе 1949 г. в Ленинграде на выездной Сессии АН СССР по истории отечественной науки Б.М. Кедров вместе со своей женой Т.Н. Ченцовой посетил музей Д.И. Менделеева, где ему с помощью младшей дочери Менделеева – М.Д. Менделеевой-Кузьминой и ее помощницы Т.С. Кудрявцевой удалось обнаружить уникальные документы, содержащие сведения о том, когда и как происходило открытие периодического закона. Речь идет о черновой и белой таблицах «Опыта системы» Менделеева от 17 февраля 1869 г.

Впрочем, эта находка Б.М. Кедрова была вполне закономерна, он шел к ней много лет. Творчеством Д.И. Менделеева он занялся давно – первые публикации относятся к 30-м годам. Б.М. Кедрова интересовала логика научных открытий, и потому история с периодическим законом являлась и ярчайшим примером, и объектом исследования. К открытию архивных документов Б.М. Кедров пришел хорошо подготовленным, он знал, что и где надо искать. Так, в 1948 г. в «Трудах Института истории естествознания» он опубликовал большую работу «Этапы разработки Менделеевым периодического закона».

История и обстоятельства открытия менделеевских документов, история расшифровки и интерпретации этих текстов довольно подробно и неоднократно были рассказаны самим Б.М. Кедровым [3, 4]. Но нигде нет ни слова о том, как непросто для Б.М. Кедрова проходила публикация найденных материалов.

Дело было так. 1 марта 1949 г. исполнялось 80 лет со дня открытия Менделеевым периодического закона. И Б.М. Кедров с коллегами (Менделеевой, Кудрявцевой и Ченцовой), как он сам писал 18 февраля в письме к Г.М. Маленкову, с «чувством большой ответственности» выполнял высоко «патриотичное дело, работали буквально день и ночь, без отдыха и сна, чтобы закончить расшифровку рукописей к сроку» [5]. Они сдали законченную работу в издательство АН СССР. Издательство и РИСО были готовы опубликовать эту работу. Но возникла неувязка с грифом. Институт философии, из которого Б.М. Кедрова изгоняли, отказался представить работу под предлогом непрофильности тематики. По рекомендации С.И. Вавилова Б.М. Кедров обратился в Институт истории естествознания, но буквально накануне поступления рукописи Н.А. Фигуровскому позвонил член-корреспондент АН СССР А.А. Максимов и, как писал сам Н.А. Фигуровский, «сообщил, что проф. Кедров «затеял новую авантюру» и собирается выпустить молнией свои «недоброкачественные и никому неизвестные комментарии» под маркой Менделеевских документов. Он предостерег меня от поспешных решений и как член ученого совета Института потребовал прислать эту книгу к нему. Он указал при этом, что в настоящее время нельзя про-

*10 декабря 2003 г. будет отмечаться 100-летие со дня рождения Б.М. Кедрова. По свидетельству Н.А. Фигуровского, его первая встреча с Б.М. Кедровым произошла в 1936 г.

пускать в печать ни одного слова, написанного т. Кедровым» [6].

Это цитата из письма Н.А. Фигуровского к Г.М. Маленкову от 17 февраля 1949 г.

Из того же письма мы узнаем, что Н.А. Фигуровский «начал немедленно выяснять положение, зная об исключительно плохих личных взаимоотношениях между тт. Максимовым и Кедровым. В издательстве АН мне сообщили, что рукопись фактически уже отредактирована и может немедленно поступить в производство, как только будет выяснен вопрос о грифе какого-либо Института. Мнение т. Максимова мне объяснили как выражение его личной неприязни к Кедрову. Директор Института истории естествознания чл.-корр. Х.С. Коштыяц высказался против представления рукописи от имени Института, сославшись на звонок от руководящего товарища из ЦК. Я решил тогда, поставить вопрос о рукописи на обсуждение Комиссии по истории химии АН, где эта рукопись принципиально была одобрена для издания. Соответствующее представление было сделано Бюро Отделения химических наук АН 14 февраля с.г.».

Из текста видно, что Н.А. Фигуровский однозначно выступил с поддержкой Б.М. Кедрова. Во всей этой примечательной и характерной для того времени истории (очень интересен и характерен своей риторикой и логикой текст письма Б.М. Кедрова к Г.М. Маленкову) мне интересна позиция Н.А. Фигуровского. Он прекрасно отдавал себе отчет в сложности и опасности создавшейся ситуации. Понимая, как писал сам Н.А. Фигуровский, что «т. Кедров имеет серьезные ошибки в своей литературной работе и вопрос о нем как редакторе журнала «Вопросы философии» подлежит обсуждению в высших партийных органах, я не имею права, как фактический руководитель Комиссии по истории химии и зам. директора Института истории естествознания, далее поддерживать указанную книгу, составленную с участием т. Кедрова».

Вроде бы все! Н.А. Фигуровский «умыл руки». Ничего подобного. Он далее писал: «Однако, имея ввиду большую научную ценность найденных менделеевских материалов, я полагаю, что их опубликование к 80-летию Периодического закона было бы весьма желательным и полезным. Опубликование же только одних архивных доку-

ментов без соответствующих комментариев, едва ли мыслимо в таком виде. <...> Ознакомление с комментариями т. Кедрова привело меня к заключению, что в них не содержится ничего такого, что могло бы вызвать подозрения в их недоброкачественности. В них имеется попытка лишь установить ход мысли Менделеева при создании нового закона природы. Отдельные недостатки изложения т. Кедрова отмечены и указаны ему. Я сомневаюсь, чтобы было возможно поставить сейчас вопрос о передаче авторства комментариев другому лицу, кроме т. Кедрова, так как, во-первых, заслуга «открытия» новых документов, по крайней мере частично, принадлежит т. Кедрову, с другой стороны, им уже проведена большая работа по расшифровке документов и восстановлению зачеркнутых Менделеевым первоначальных набросков таблиц элементов. В том, однако, случае, если вопрос о передаче авторства комментариев должен неизбежно встать, то конечно, следует в первую очередь привлечь к этому Комиссию по истории химии и ее членов.

Убедительно прошу Вас, Георгий Максимиалианович, дать мне указания, как надо поступить в данном случае.

17.02.49 Зам. председателя Комиссии по истории химии АН СССР проф. Н.А. Фигуровский».

На документе резолюция: «Срочно. т. Шепилову. Прошу разобраться в этом деле. Доложите лично через 2–3 дня. Г. Маленков. 11.Ш.49 г.».

Что было далее, историки химии, историки творчества Д.И. Менделеева и публикаторы его наследия хорошо знают. И для Н.А. Фигуровского, и для Б.М. Кедрова жизнь и творчество Д.И. Менделеева стали одной из доминант их собственного творчества.

Н.А. Фигуровский написал книгу о Менделееве, дважды изданную в академической серии «Научно-биографическая литература» (1961, 1983).

В 1953 г. вышел первый том Научного архива Менделеева под названием «Периодический закон» под редакцией, со статьей и примечаниями Б.М. Кедрова. В списке же его публикаций труды, посвященные творчеству Д.И. Менделеева, занимают добрую треть.

Но думается, для обоих исследователей события февраля 1949 г. стали неким контрапунктом, имевшим существенное влияние на их дальнейшую жизнь.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 02-06-80252)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илизаров С.С. Житие историка науки Н.А. Фигуровского, им самим написанное // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 1. С. 131.
2. Фигуровский Н.А. Автобиографические записки и воспоминания // Научный архив ИИЕТ РАН. Фонд Н.А. Фигуровского. Рукопись.
3. Кедров Б.М. Над менделеевским наследием // Вопросы истории естествознания и техники. 1973. Вып. 4 (45). С. 19.

4. Кедров. Б.М. Над менделеевскими рукописями [о том, как изучалась история открытия и разработки периодического закона] // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 4. С. 41.

5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 169. Л. 6.

6. Там же. Л. 12.

Поступила в редакцию 30.12.01